

АЛЕКСАНДР
ТЮРИН
АЛЕКСАНДР
ЩЕГОЛЕВ

Александр Геннадьевич Щёголев

Сумерки

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168580

Сеть: Северо-Запад; СПб.; 1993

ISBN 5-8352-0155-9

Аннотация

Фантастический боевик.

Россия середины XXI века. Ближайшее будущее, которое вряд ли наступит. Поучительная история о том, как простые парни из провинциальной службы безопасности дали пинка могущественной секте супер-гипнотизеров.

Содержание

1. Полдень	4
2. Вечер	6
2.1 Кассета из блока «Первый», служебные переговоры по делу «Миссионер», гриф «Совершенно секретно»	6
2.2 Ретранслируемый сигнал (источник «Сырье», гриф «Свободный эфир»)	11
2.3 Кассета из блока «Двадцать шестой», служебные переговоры по делу «Миссионер», гриф «Совершенно секретно»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Щёголев

Сумерки

1. Полдень

Небо закрыло тучами. Беспечно сыпал дождик.

Было как всегда.

Голубокровые трутни глотали кофе, плескались в ваннах, мазали прыщавые рожи патентованными кремами и – тщательно, тщательно зевали, сберегая силы для вечернего сна.

Крепкотелые старики, занявшие все просторные кабинеты, обменивались друг с другом мнениями и секретаршами, беседовали с журналистами о небывалом расцвете демократии и патриотизма, пожимали руки прогрессивной общественности, в общем, руководили и направляли. К вечеру они отбудут в засекреченных направлениях, оставив в кабинетах лишь ненавидящих людей казенных псов да вечно бодрствующую электронику.

Гениальные музыканты, предвкушая вечерние овации, отработывали проверенные веками произведения.

Миллионы рабочих муравьев суетились у конвейеров, сжигая скудные человеческие силы на алтаре общественных потребностей. Для их измотанных душ были приготовлены семейные склоки и заворачивающее мерцание телемирка.

Промозглые городские подворотни ждали вечерних повелителей.

Места культурного отдыха привычно готовились к безумствам расторможенного разума.

Бетонные глыбы Больших домов выплевывали обремененных выполнением долга сотрудников. Там же – в многоэтажных подвалах – слонялись из угла в угол правдолюбцы, с трепетом думая о ночных допросах.

Было как всегда.

Приближались сумерки.

2. Вечер

2.1 Кассета из блока «Первый», служебные переговоры по делу «Миссионер», гриф «Совершенно секретно»

- Мой генерал! Свобода – наше знамя!
- Процветание – наша цель! Вольно, пятый.
- Есть важные новости, первый.
- Докладывайте.
- Вчера мы отловили кретина. Им неожиданно оказался...
- Вы полагаете, я забыл вчерашний доклад?
- Виноват... Час назад заставили его говорить.
- Так. Интересно. Какие меры воздействия применялись?
- Сначала обычный набор в девятой комнате. Результат оказался нулевой.
- Конечно. Обычные методы для кретинов не подходят.
- Да, знаю, но я не мог отказать ребятам.
- Всем известно, что ваши ребята мясники, полковник.
- Мои ребята истинные патриоты. Нужно было дать выход их праведной злости.

– Ясно. Я пошутил, продолжайте доклад.

– Чтобы сломить упрямство этого вонючего бунтаря, мы использовали препарат «Поршень». Сутки кретин сумел продержаться, а после двадцатичасовой инъекции начал бредить.

– Сутки! Железный тип. Как же он бредил?

– В течение долгого времени он повторял одну за другой две фразы. Вот, читаю: «В центрфорварде мое спасение» и «Душа очистится при встрече».

– Полковник, но это какая-то чепуха! Что за центрфорвард! Надо полагать, спортсмен? Странно, спортсмены все отличные парни. Еще и душа какая-то... Действительно, бред. Вы видите здесь смысл?

– Мой генерал, поначалу я тоже не понял ценности этих фраз, хотя в них и содержались два конструктивных момента: «центрфорвард» и «встреча». Казалось невозможным практическое использование полученных сведений в борьбе с пауками. Слишком мало конкретного.

– Это я и имел в виду.

– Но тут есть один нюанс. Бред кретина не имеет ценности лишь в том случае, если центрфорвард является человеком.

– А кем же еще?

– Я подумал: вдруг под этим словом скрывается что-то другое? Вы поразительно точно отметили корявость фразы, о человеке так не говорят. На всякий случай я решил навести справки, тем более, что в моем предположении бы-

ла единственная надежда на успех. Теперь докладываю вам, мой генерал! В районе центральных трущоб имеется гостиница средней шикаренности. Официальное ее название «Возрождение», но однажды в гостинице остановился Серов, и в честь этого события местный сброд стал называть ее «Центр-форвард».

– Да, Коля Серов был отличный футболист... А вы молодец, пятый!

– Всецело ваш, мой генерал!

– Ну-ну. Что предприняли дальше?

– Мы немедленно переключили все посты на контроль радио обстановки в подозреваемом квадрате. И только что получено сообщение: в гостинице «Возрождение» зафиксирован мощный источник помех. Спектр помех соответствует форме номер один. Сомнения отпадают, товарищ генерал, там сидит паук.

– Важнейшая новость! Я распоряжусь о вашем награждении.

– Служу трудовому народу!

– Как вы намерены поступить?

– Моей компетенции недостаточно для принятия решения в данной ситуации. Жду ваших приказаний.

– Так. Значит, так. Объект нужно взять. Соблюдайте максимальную осторожность. Никаких патрулей в центре.

– Мы используем только главные пеленгаторы.

– Правильно. Соблюдайте радиомолчание, не посылайте

агентов в близлежащие к гостинице улицы. Не спугните паука.

– Как же тогда мы сможем взять его?

– Это ваши заботы. Фантазируйте. Вы должны добиться наконец успеха! Пора заткнуть рты столичным крысам.

– А если он обнаружит нас? Пауки чуют наших людей за квартал.

– При малейших признаках провала – уничтожьте гадину.

– Это не так просто сделать.

– Убейте. Раздавите. Сбросьте на гостиницу бомбу. Фантазируйте, полковник!

– Слушаюсь. Взять объект или уничтожить его.

– Кстати, если уж мы заговорили о возможности провала, прошу ответить: почему провалы так часто случаются в нашей святой работе? Мне давно не дает покоя этот вопрос. Враг очень силен, но ведь и мы знаем свое дело. Так почему провалы не исключение, а система? Как вы думаете?

– Это не в моей компетенции.

– Не бойтесь, я спрашиваю строго конфиденциально.

– Не знаю. Это не в моей компетенции. Разрешите идти?

– Идите, товарищ пятый, идите. Доклад принят.

– Я всецело ваш.

– Свобода – наше знамя.

– Давно пора укрыть тебя твоим знаменем, грязный лампас.

– Вы что-то сказали, полковник? Я не расслышал.

– Я сказал: процветание – наша цель, мой генерал!

2.2 Ретранслируемый сигнал (источник «Сырье», гриф «Свободный эфир»)

Бестолково, как у сухомордого в мозгах. Холодно, слякотно, сопливо. Темень, ни одной самой паршивой лампочки – малолетние поганцы давным-давно их переколотили. Только некоторые окна горят, и все. Дрыхнут обыватели, sny цветные просматривают. Или под телевизор балдеют, смакуют чужие чувства. Или вяжут. На улицу их сейчас золотом не выманишь. Кретин – и тот подумает, прежде чем выйти. Впрочем, перевелись нынче кретины, все повыловлены, один я, небось, остался.

Мерзкая подворотня. Мерзкая гостиница. Мерзкое занятие.

А что остается делать? С утра душа ноет – денег-то нет. Естественно, откуда у истинного гражданина деньги? У истинного гражданина только долги. Очередная гонка – на следующей неделе, там получу свои кровные, а сейчас... Неделю тянуть – извините, это не для меня! Вдобавок, гад тот... как же его зовут?.. В общем, проиграл сегодня одному типу двадцатку. Идиот! Дыру в кармане поставил и проиграл. Еще один долг. Мерзкая жизнь... Эй вы, за окнами, сколько вас ждать? Суслики жирные, хоть кто-нибудь покажитесь!

Пусто...

О! Хлопнула дверь. Кто-то вышел в гостиничный двор, слышны шаги. Неужели нашелся смельчак, который надумал совершить вечернюю прогулку? Это был маленький старичок, в очках, шляпе, с папкой под мышкой. Натуральный профессор. Он увидел меня, растерялся, замедлил шаг. Я преградил ему дорогу и осветил фонарем, тогда на его лице появилось болезненное веселье.

– Молодой человек, – сказал он мне. – Вы ошиблись, ваша дама еще не освободилась.

Тут ему в бок уперлось «шило», и он, видимо, очень хорошо почувствовал это прикосновение, потому что веселое выражение на его лице моментально сменилось тоскливым.

– Шутишь, – улыбнулся я. – Подожди, сейчас я буду шутить.

Снял с него дурацкую шляпу и отшвырнул в темноту. Он затосковал еще сильнее.

– Вы не смеете, – слабым голосом сообщил он мне – Я музыкант. Я сейчас же позову милицию.

Смех на палке. Было видно, что он грозитя всерьез. Наверное, со страху.

– Зови, – разрешил я ему и чуть-чуть надавил.

Понятливый оказался старикашка! Он проглотил все угрозы разом, только слабо икнул и больше не пикнул. Ну а как же – интеллигент! Для начала я его нежно встряхнул, чтобы осознал до конца, с кем имеет дело. От моей ласки его

залихорадило. Потом деловито обшарил карманы гостя. В пиджаке у него лежал пухлый бумажник, и мое истосковавшееся по чуду сердечко наполнило грудь томительным бием. Волнуясь, я рванул застежку. Там была весомая пачка купюр – не меньше двухсот! Чудо свершилось. В полном восторге я глянул на старичка: носить вечером такие деньги отважится не каждый! Он стоял не двигаясь, губы его вяло шевелились, шептали что-то вроде: «...зачем вы меня посылаете, мне страшно, я никуда не пойду...» – странное он что-то шептал. И вообще у него был странный видок – будто разговаривал во сне. Причем не со мной. Я потрепал его за щеку:

– Проснись.

Он продолжал спать, намертво прижимая к себе папку. Интересно, что там у него? Я потянул ее, вот тогда профессор ожил: глаза его вспыхнули и погасли.

– Не надо, – попросил он меня. – Берите что угодно, а это... не надо, прошу вас...

Я ничего не ответил ему. Я ткнул его кулаком в морду, он мягко упал спиной в лужу и остался лежать, а папка осталась в моей руке.

Там были только ноты! Эти очкарики ненормальные, честное слово... Ладно, не будем лишать человечество культурных ценностей. Нас интересуют ценности материальные. Мы не варвары, культурные ценности нам не мешают.

Я бросил папку рядом с хозяином, а сам быстро вышел

из подворотни. На ходу обследовал добычу. Для начала сладострастно пересчитал доход – ровно двести пятьдесят, новенькими, будто из типографии. Ну, повезло! Все, завтра отдаю долг этому гаду, и хватит с меня игрушек... Еще в бумажнике имелся аккуратно сложенный листок бумаги, и я развернул его.

Вначале ничего не понял. Даже испугаться не успел. Просто в груди у меня вдруг замерло, я остановился и разинул пасть. Вместо бумажного листочка мои грязные пальцы сжимали нечто похожее на щель, в которую смотрели чьи-то глаза. Я среагировал мгновенно: ойкнул и разжал пальцы. Бумажка плавно опустилась на асфальт, я же опомнился и наклонился следом. Я парень любопытный и вовсе не трус. Меня загадками человеческой психики не проймешь – снова взял эту бумаженцию и внимательно рассмотрел ее. Обыкновенная записка. Было четким почерком выведено: *«Жду Вас в номере 215, второй этаж, налево».*

Записка, ничего больше. Однако в памяти осталась ясная картинка: висящие в воздухе глаза смотрят на меня в упор. Глаза небесно-голубого цвета. И не глаза даже, а узкая полоска человеческого лица – брови, переносица... Смех на палке. Что это мне мерещится?

Собственно, я направлялся к Балаболу. Заведение располагалось точно напротив моего рабочего поста возле гостиницы – никакому нормальному дубине не придет в голову ловить меня здесь, рядышком с местом происхождения. Пе-

рекушу, расслаблюсь, и дельце одно имеется. Жизнь дается человеку для того, чтобы он жил, как человек. А интеллигентский бумажник мне должен в этом помочь. Правильно я излагаю?

Смешной старикашка, думал я, наискосок пересекая проспект Первого Съезда. Народной милицией решил напугать. Да заори он во все горло что-нибудь вроде: «Помогите, убивают!» – никто бы даже к окну не подошел полюбопытствовать, в чем дело. Кого там убивают и как. Чтобы расшевелить этот снулый мир, надо кричать «пожар» или «землетрясение». Или, например, «революция» – пусть в кальсоны поналожат. Хотя, ату его, с такими вещами не шутят... Интересно, вдруг вспомнил я, кого ждали в номере 215? Неужели старикашку? А может, все еще ждут? Я развеселился. Надо же, каков игрун – ему бы тихо кефирчик сосать дома, а он по отелям шастает. Впрочем, я уже дошел до места, и эта мысль достойно завершила приключенье.

Над входом помаргивало название: «БУТСА». Чуть ниже – скромное пояснение: «ЛУЧШЕЕ МЕСТО ОТДЫХА». А в витрине горел стих: «Заходи скорей сюда! Делать все позволим! Развлекайся до утра, выползешь довольным!» Делать что вздумается можно в любом другом месте, если есть чем платить, разумеется, но Балабол поступил на удивление мудро, воспользовавшись вечной всенародной тягой к поэзии и к свободе.

Забавно происхождение названия. Существует легенда,

будто знаменитый центрфорвард Серов однажды провел пару недель в той гостинице напротив и, рассорившись со своей поклонницей, швырнул с балкона бутсу – прямо через проспект. Спортивный снаряд пробил витрину насквозь и влетел в столовый зал. С этим преданием знакомит красивый стенд в вестибюле, здесь же под стеклянным колпаком обрел вечную стоянку вонючий ботинок – жуткого размера, кстати. Идиотизм и коммерческий успех, как известно из новой истории, близнецы-братья. В общем, местечко это было как раз по мне. Я поежился от холодного ветра и торопливо толкнул крутящуюся дверь.

Было душно и весело. Большинство столиков оказались заняты. Стоял многоголосый гул, звенела посуда, из игрового автомата лилась мирная старомодная музыка. Я огляделся и подошел к столику, за которым одиноко сидел Лошак.

– Привет, мальчик, – сказал я ему.

Он нехотя поднял глаза. Глаза были задумчивыми. После некоторого размышления Лошак эхом откликнулся:

– Привет, Александр...

Видно, принял уже стаканчик-другой. Что ж, надо договнять. Я подсел к нему и рявкнул в воздух:

– Эй, ну-ка сюда быстро!

Выскочил парень, обслуживающий столовый зал, побежал ко мне, мастерски виляя между столами. Да, заработанная им кликуха вполне соответствовала его деловым характери-

стикам.

– Ловкач, – сказал я ему, когда он, нисколько не запыхавшийся, вырос передо мной. – Дай-ка мне горячей.

– Пожалуйста, – сказал парень, живо снимая с подноса графин и стакан. – Добрый вечер, сударь, здравствуйте.

– И принеси что-нибудь пожрать.

– Секунду, – пообещал Ловкач и стартовал в обратном направлении. Поднос он держал на вытянутой вверх руке. Почему-то ничего не падало. Смотреть на этот акробатический этюд было страшно, и я повернулся к соседу по столу.

– Лошак, милый, – позвал я. – По какому праву ты здесь скучаешь? Ты знаешь, где находишься?

– А? – вдруг спохватился тот и стал бешено озираться. – Где я нахожусь?

– В «лучшем месте отдыха»! – возгласил я.

Плеснул себе в стакан, залпом выпил, и мне стало жарко. Тогда я надолго присосался к горлышку графина. Стало еще жарче. Стало так хорошо, что я заорал и метнул пустую стекляшку в подбегавшего официанта. Ловкач красиво поймал мой пас, принялся ставить на стол тарелки со жратвой, и я прекратил баловаться – рыча, обрушился на еду. Парень попытался подсунуть мне вилку, но я расхохотался и согнул ее посередине. Потом он куда-то исчез, а передо мной оказался новый графин. Молодец, Ловкач! Лучше клиентов знает, что им нужно, скотина этакая... Кстати, о животных. Интересно, где Лошак берет деньги, чтобы оскотиниваться каждый ве-

чер? Настоящее его имя не то Васенька, не то Ванечка, в детстве он мечтал стать ковбоем, лошадиным ассом, а Лошак – это так, уменьшительно-ласкательное для удобства, отзывается и ладно. Бедняга! Зря мечтал. Был и останется дешевой, никогда ему уже не оседлать коня своей удачи... А Балабол – просто Балабол, без имени, без фамилии, и никто не знает, что сие означает. Сам он, наверное, тоже. Хитрая стерва! Для нас он – владелец «Бутсы», председатель этого второсортного кооп-кабака, то есть мелкая сволочь. Якобы мелкая. Потому что ходят слухи, будто господин предприниматель ворочает такими делами – представить страшно. Вот, например, вчера взяли Областной банк, чисто взяли, просто конфетка, а не работа. И трудяг до сих пор не нашли, куда там! Жидковата милиция такие дела поднимать. Хотя, при чем здесь Балабол?... А еще поговаривают, будто он связан с пауками. Я-то лично в это не верю – Балабол, конечно, темный тип, но не до такой же степени! И не дурак ведь он. Всем известно, что нет в нашем мерзком мире большей мерзости, чем пауки. А Балабол настоящий трудяга, он наверняка не свяжется с подобной компанией, и вообще, в газетах ясно написано: только начнешь интересоваться пауками, тут же чокнутым и станешь. Страшные люди. Даже не люди, а нелюдь поганая, проклятье наше, и кретины появляются от них, и нищета вся от них, а вот сами они откуда появляются, в газетах почему-то не знают. Спросить у Балабола? Вдруг знает?... Эй, парень, еще горячий!.. Смачная в этой забегаловке

горячая! Из сахара гонят, черти. Глоток сделаешь, и словно огнем охватит – адский жар во рту, пустота в груди. И сразу – покой. А у непривычного глаза вылезают, язык вываливается, он рвет на себе ворот, дышать-то ему нечем, потом горячая его отпускает, ему становится на все плевать, он делает второй глоток и отрубается... Эй, сюда!.. Странно только, почему она вечно дорожает? Впрочем, ничего странного. Горячая дорожает, потому что дорожает сахар, из которого ее гонят. Сахар дорожает, потому что увеличивается зарплата рабочих, изготавливающих его. Зарплата рабочих увеличивается, потому что те регулярно встают на рога. А на рога они встают, потому что им не хватает денег на горячую, которая дорожает. Вот так. Заколдованный круг. И вообще, жизнь стала паршивой... Ловкач! Ловка-ач!..

Я очнулся и обнаружил, что валяюсь под столом. Как собака. Сильно ныл глаз, я потрогал его пальцем: глаз заплыл. Проклятье! В руке обнаружился пустой графин. Кряхтя и ругаясь, я выбрался, бухнул графин о стол и поманил дежурившего неподалеку официанта.

– Скажи, это какой по счету?

– Четвертый, сударь, – невозмутимо ответил он мне.

– А где второй и третий?

Ловкач показал на пол Там были осколки.

– А это откуда? – я дотронулся до глаза. Парень промолчал, тогда я схватил его за шиворот. – Говори, змееныш! – рывкнул ему в ухо.

Мальчишка вздрогнул.

– Тот тип уже ушел, – протараторил он. – Расплатился и ушел. Я его не знаю, честное слово, первый раз видел.

– Проваливай, – разрешил я. – Принеси воды.

Лошак сладко спал, положив голову на руки, около него стояло шесть пустых графинов и стакан с трещиной. Общество за соседними столиками сонно поглядывало в мою сторону. Я сел, проглотил поднесенную мне воду, после чего понял, что здесь скучно. Тогда я потряс Лошака за плечо. Тот помычал, почмокал губами, отвратно почесался и проснулся.

– Что такое? – просипел он, поднимая голову.

– Эй, – сказал я ему, – ты знаешь, что такое «лошак»?

Он тупо огляделся, мучительно вникая в суть вопроса. С соседнего столика лениво подсказали:

– Это помесь лошади с ослом.

– Вот-вот! – подтвердил я. – Лошадь и осел. Лицом ты лошадь, а умом осел. Понял, ковбой?

– Почему? – вспыхнул он.

– Ну ты же лошак?

Он стал вылезать из-за стола, крохотный, но очень грозный.

– Шуток не понимаешь, – равнодушно сказал я, и он с готовностью влез обратно. Скучно было невыносимо. Я посмотрел вокруг, собираясь с мыслями, и вдруг вспомнил, зачем, собственно, пришел сюда.

– Балабола нигде не заметил?

Лошак отрицательно мотнул головой.

– А про банк слышал что-нибудь?

– Грабанули твой банк, – сипло ответил он.

– Это и без тебя известно. Чья работа, не в курсе?

Вот такой вопрос был, прямо скажем, громок. Особенно после упоминания имени Балабола. Общество наострило уши, тревожно замерло. Лошак принялся непотребно зевать, и я сразу дал задний ход, потому что глазки у моего соседа стали пугающе неподвижными. Я добавил:

– Говорят, там пауки потрудились.

Зевота мгновенно прошла.

– Какие пауки? – искренне удивился Лошак.

– Неграмотный, что ли? Эти... Из организации «Миссия».

– Которые пьют кровь? – уточнил он, – Не знаю, может, и они... Только их, по-моему, денежки не волнуют, они, по-моему, детей из приютов таскают.

– Лошадь и осел, – выцедил я. – Идиотские слухи.

Встал и пошел прочь. Сзади раздалось запоздалое вяканье, но я решил не напрягать слух. Я направился к бару. Немного шатало: все-таки четыре графина – это доза. Проклятье! Еще чуть-чуть, и Лошак смекнул бы, что я интересуюсь банком неспроста. Идиот, полез с пьяной любознательностью. В самом деле, кто знает, откуда у этой твари деньги? Не за умение ли докладывать о любознательных идиотах?

Народу поубавилось – посетители начали расходиться по

любовницам и сводным домам. Стало уютно. На полу, прямо вдоль батареи крутящихся табуреток, лежало расслабленное человеческое тело – культурно отдыхало. Я переступил его и подвалил к стойке.

– Шолом, – сказал я бармену. Тот искоса глянул:

– Свобода – наше знамя, дружок. Тебе налить?

– Обязательно, – сказал я. – Только что-нибудь помягче, а то я уже... сам видишь.

– «Жидкий воздух»? Со льдом или без?

– Все равно.

– Понятно, – он вздохнул. – У тебя ко мне дело?

– А то! Как же можно без дела?

Бармен снял с полки нарядный сифон и вбил кипящую струю в стакан.

– Я слушаю.

– Какие новости в городе?

– Ничего интересного, дружок, – сразу ответил он. – Начальник службы безопасности утопился в унитазе.

– О-о, ты был знаком с таким человеком!

– Боже упаси! Я случайно находился в кабине рядом. Забыл сказать, это было в общественном сортире.

Я сделал вид, что мне смешно. Друг моего детства любил пошутить, жаль только, чувства юмора не имел.

– Да ты остряк, – похвалил я его. – Или болтун. Если ты не болтун, ответь, почему твоего хозяина прозвали Балаболом?

– Глупый вопрос, – сказал он. – Его прозвали Балаболом,

потому что было за что. Иначе он не был бы им, верно?

– Он уже пришел?

– Его сегодня не будет, Саша. Приболел... Вообще-то я болтун, – в глазах бармена мерцало веселье. Сам он не улыбался. Здешний бармен давно разучился улыбаться.

Я вежливо хмыкнул, помолчал, потом придвинулся ближе и начал осторожно трогать его многострадальные нервы:

– Ну и хрен с ним, мне он не нужен. Слушай, из чистого любопытства... Только не прячься сразу под стойку, ладно? Как ты думаешь, банк – чья работа?

Он поднял брови. Он внимательно осмотрел зал. Под стойку не полез, но это явно потребовало от него душевных усилий.

– Почему ты спрашиваешь именно у меня? – наконец подал он голос.

Я объяснил:

– Ты же торчишь тут целые сутки! Все разговоры слышишь, все новости первым узнаешь. Разве нет?

– А почему это ограбление тебя так волнует?

Я разозлился.

– Сказал же, любопытство одолело! Не хочешь отвечать – отлично, молчи в тряпку! Чтоб ты подавился этой грязной тряпкой!

– Тихо, тихо, – попросил меня бармен, зачем-то оглянувшись. Брови он все еще держал в поднятом состоянии. Глупейший у него был вид.

– Смех на палке! – продолжал я чуть тише. – Чего ты боишься? Я же не прошу тебя свидетельствовать в суде.

Он побарабанил пальцами по сифону.

– Я не боюсь, – сухо уведомил он меня. – Я просто не знаю. Я вообще мало знаю, я веду здоровый образ жизни. Могу только догадываться. Но и это, говорят, бывает вредно для здоровья.

Закончил мысль. Возложил руки на стертую тысячами локтей поверхность стола и спокойно посмотрел мне в глаза. Нестерпимо хотелось плюнуть в его лакированное личико, и он угадал мое желание, потому что раскрыл рот снова – прежде, чем это сделаю я:

– Думаю, там потрудились банда сухомордых. Говорят, охрана перебита вся, кроме пары азиатов. Своих пожалели.

– Насреддины?.. – с сомнением сказал я. – Нет, не может быть. По-моему, узкоглазые задницы такое не потянут. Тут мудрость нужна, вроде твоей... – я подмигнул. Разговор уверенно двигался в тупик, возвращался в русло нормальной болтовни, тогда я решил в открытую. – И связи тут нужны, такие, к примеру, как у Балабола. Я, собственно, хочу вот о чем у тебя спросить, Иосиф. Балабол как-то связан с этим делом или нет? Странные, знаешь, слухи про него витают.

Бармен распрямился. Потом сгорбился.

– Балабол опасный человек, – только и шепнул мне в ответ. Отошел к холодильнику, бесцельно постоял, вернулся и еще прибавил. – Ты, Сашок, тоже. Извини, но твое чистое

любопытство не имеет ко мне никакого отношения. Я просто бармен, так и передай.

– Дурак мнительный, – горько сказал я. – Кому передать?

– Я не знаю, кому. Я просто бармен.

– Эх, ты. Попортить бы тебе витрину за такие слова...

– Прости.

– Забыл, что мы с тобой в детстве вытворяли? Отловим, бывало, студенточку...

Он деликатно меня выслушал и спросил:

– Еще хочешь выпить?

– Дай газету посвежее, – угрюмо приказал я ему.

Он исполнил. Через шесть секунд мне стало противно, я скомкал газету и вклеил бумажный шар в сияющий стеллаж.

– Тошнит, – сообщил подскочившему в испуге бармену. – Сплошные пауки. Тебя лично, Иосиф, они не беспокоят?

Он пожал плечами.

– Пауки? Это не по моей части. Крысы в подвале меня беспокоят гораздо больше.

– А если серьезно?

– Если серьезно, – с готовностью сказал он, – то все это в принципе несерьезно. Потому что неизвестно главное – существует ли в природе такая организация, как «Миссия». Сплетни определенно существуют, одна другой глупее.

Я возмутился:

– Неужели и здесь не можешь без тумана?

– Я могу налить «жидкого воздуха». Или желаешь горя-

чей? – Иосиф посмотрел в упор. Я тяжело вздохнул.

– Говорят, пауки заманивают человека в какие-то хитрые ловушки, связывают, а потом сосут из него жизненные силы, – подкинул я тему. – Потому их так и назвали. А сами они вроде бы живут вечно.

Он неожиданно хихикнул.

– Вот публика, – сказал неизвестно о ком. – Пяток болтунов напишет, остальные учат наизусть... Ладно, если серьезно, то изволь. Я, дружок, знаю наверняка только одно: пауки, если они действительно есть, это плохо. Хуже, чем демократические газеты. Даже хуже, чем «Бутса» и моя барменская стойка. С момента, когда Большой Мор кончился и оставшиеся в живых придурки добились наконец в нашей стране свободы и процветания, это второе по-настоящему страшное событие. И сосут они не кровь, не твои жалкие силенки, а мозг. Пообщаешься с ними разок – и все, стал кретином. А кретин – это уже самое дно, естественно.

– Откуда они могли взяться? – спросил я. Без всякого интереса. Бармен кивнул, соглашаясь с вопросом.

– Вон, изучай прессу, – он наступил туфлей на бумажный ком и сладострастно хрустнул. – Сам я полагаю, что это мутация. В нашей-то помойной яме... Ты читал в детстве фантастику или только студенток со мной мял?

Я перестал его слушать. Мне уже давно было тоскливо. О деле разговор не получился, и сейчас мы, очевидно, приступим к подсчету семи чудес света. Осторожная сволочь! Тра-

чу с ним время. Хотя, все равно делать нечего... Я предположил:

– Если они мутанты, то должны быть уродами, да? Монстрами? Но тогда бы их всех быстренько повыловили.

Друг детства обрадовался. Давно ему не попадался такой благодарный, такой восхитительно девственный в смысле начального образования слушатель. Он сказал монолог. Было длинно, я почувствовал, что вот-вот засну или вот-вот взорвусь, и тогда я оттолкнулся руками от стойки, побрел прочь, умиряя раздражение, уговаривая себя не ломать стулья, а он продолжал бубнить мне вслед:

– ...Уродство и красота, дорогой Александр, категории относительные. И то, и другое – всего лишь отклонение от общепринятой нормы, поэтому все здесь зависит от выбранной обществом точки отсчета. Например, некий античный красавец, попав в страну, где уродство является эталоном внешности, будет признан несомненным, классическим уродом. Так что не обольщайся, если дама называет тебя красавчиком...

Болтун! Убил настроение, гад, десяти минут ему хватило... Я вдруг обнаружил, что часики мои встали. И чуть было не повернул обратно к бару – спросить точное время, но тут же одумался. Зачем пугать человека провокационными вопросами?

За столиком в одной из ниш сидел Тихоня. Он был не один: девка в купальнике обнимала его с дешевым рвением.

Или он ее, не разберешь. Во всяком случае глаза у него были прикрыты, а руки находились отнюдь не на столе.

– Тихоня! – позвал я его. – Часы есть? Сколько на твоих натикало?

Он открыл глаза, зло блеснув зрачками. Но не сказал ничего грубого – молча освободил левую руку и выставил на показ светящийся циферблат.

– Спасибо, – поблагодарил я. Затем, не удержавшись, громко съязвил. – Поздравляю, вы прекрасная пара.

Он странно на меня посмотрел, и я решил ему больше не мешать. Не люблю резких движений, особенно по вечерам. Я счел более разумным неторопливо отойти и спуститься в подвалы для проверенных клиентов.

Комната была затемнена, интимно моргал экран в стене. Демонстрировался художественный фильм. Народу было немного, несколько парочек на устланном матами полу. Я некоторое время посидел, потом меня замутило от неумеренной дозы телесного цвета – как в кино, так и на матах, – и я отправился путешествовать дальше.

Дальше были танцы. Здесь свирепствовала музыка. Прерывистое дыхание могучими толчками било из многоваттных динамиков, развешанных по потолку, прессуя воздух при каждом басовом выдохе. Я оглох мгновенно. На подсвеченном балкончике колдовало с аппаратурой человекообразное существо – тоже старый знакомый. Привет, крикнул я – словно в воду. И, ощутив вдруг нестерпимое жела-

ние забыться, разбудить спящую в жилах молодость, вбежал в раздевалку, скинул одежду – как все, – впрыгнул в общий круг. Бесновались огни. Бесновались красно-зелено-синие фантомы, отдаленно напоминающие людей. Никакого телесного цвета! Было тесно и здорово, я заорал, не слыша ничего, тем более своего голоса, подпрыгнул, снова заорал. Музыку воспринимал не я, а мое тело, точнее, тело воспринимало ритм... Взмах рукой, взмах ногой. Спина к спине, бедро к бедру. Руки жадно ловят мягкое, жаркое – вокруг так много жаркого и мягкого! Немыслимо извивается девчушка рядом, рот оскален, в глазах – сплошная рампа, из одежды – только бирка с фамилией на шее. Разве сюда пускают школьников? Кто-то неподвижно стоит, держась руками за голову, кто-то натужно хрипит под ухом. А в центре – Я. Красно-зелено-синий Я... Потом огни куда-то летят, в голове темно, и вот уже вокруг Меня ноги, голые, одинаковые, слепые, они давят Мои растопыренные пальцы, бьют по Моим ребрам, и совершенно ясно, что надо встать, иначе ведь плохо, плохо, плохо... Подтянуть задние конечности под себя, приподняться на коленях, теперь, хватаясь за липкие тела... И снова в круг! Взмах рукой, взмах ногой, грудь к груди, живот к животу...

Внезапно все кончилось, и я сначала не понял, что произошло, а когда включился большой свет, сообразил – время перерыва. Массовка свалилась на пол – кто где стоял. Человек семь-восемь. Было душно, тошнотно пахло потом. Ша-

ман-музыкант вытащил заранее приготовленный шприц со стимулятором, сделал себе инъекцию.

Я с трудом выволокся на волю и побрел в душевую. Кабинка была занята, тогда, совсем одурев от жара, я рванул дверь, что-то там выдрал с мясом, и ввалился, не взирая на лица. Здесь отмокала молодая особа. Она отнеслась к моему визиту с пониманием: заулыбалась, подвинулась, ничего не сказала.

Тонизирующие струи сделали из меня мужчину. Не долго думая, я прижал соседку к перегородке и поцеловал в свод груди. Она хихикнула и дала мне ласковую пощечину. Тогда я выключил воду. Она снова хихикнула, нетерпеливо подтягивая меня за талию, бормоча что-то ободряющее. Жаркий шепот обещал неплохое развлечение, вот только из ротика ее несло табаком. Я резко высвободился, вышел из душа и пошлепал босиком в раздевалку. Барышня соорудила вслед нечто боцманское.

Почему-то мне было погано. Странно. Так погано, что хотелось улечься прямо здесь, на кафельном полу, и плакать, плакать... Что случилось с моим настроением? И только одевшись, только отправившись обратно в столовый зал, я понял.

Весь этот вечер отдыха – так удачно начавшийся! – меня преследовало нелепейшее чувство, будто за мной смотрят. Не следят, не шпионят, а именно смотрят. Внимательные голубые глаза. Будто бы даже те самые, из профессорского бу-

мажника.

Кусок бреда.

Глаза надо мной, а я под ними – маленький, голый, трогательный. Смех...

Проклятая, проклятая, проклятая горячая!

2.3 Кассета из блока «Двадцать шестой», служебные переговоры по делу «Миссионер», гриф «Совершенно секретно»

– Эй, эй! Меня слышно? Кэп, ответьте тридцать пятому!

– Слышно, тридцать пятый. Говори в трубку, не ори на весь город.

– Свобода – наша цель! Тьфу! Наше знамя!

– Процветание... Лейтенант, что стряслось?

– Виноват, товарищ капитан. Вы приказали сообщать обо всем необычном.

– Валяй.

– Тут ко мне одного типа доставили. Совершенно чокнутого старикашку, который утверждает, что он преподаватель из музыкального училища номер два. Документов нет.

– Запрос сделан?

– Уже есть ответ. В училище такой числится, похоже, именно этот. Фотография пока не пришла.

– Валяй дальше.

– Значит, так. Старикашка ехал на такси к себе домой. Когда на пути попала патрульная машина, таксист воспользовался случаем и сдал старика милиции. Он заявил, что никогда еще не возил более подозрительного пассажира, и пред-

положил, что это скрытый кретин. Дубины, услышав слово «кретин», естественно, на полусогнутых приползли к нам. Таксисту они разрешили продолжать работу, все данные на него записали. Он клялся, что не при делах, что просто исполнил долг истинного гражданина, валялся у дубин в ногах, ну те и отпустили его без допроса.

- Данные на таксиста остались, не будем скандалить.
- Я тоже так решил, кэп.
- Решаю я, лейтенант!
- Я полное ничтожество, двадцать шестой!
- Хватит орать. Разорался... Это действительно кретин?
- Нет, мой капитан. Ясное дело, никакой он не кретин, отвечаю головой. Но вы знаете, этот старик несет сущую ахинею! Просто до жути. Вот что он изложил в ходе допроса, передаю почти дословно. Он напряженно работал, и вдруг его вызвал к себе какой-то субъект, которого он проименовал «человек с глазами вместо лица». В какой форме был сделан вызов, непонятно. Вызвал, и все. Этот человек дал старику толстый бумажник и приказал идти на улицу. Старик отказывался, но человек с глазами вместо лица очень хорошо его попросил. На улице старика ограбили, бумажник забрали, он вернулся обратно, человек его поблагодарил за помощь и не стал больше задерживать. Перед тем как отпустить музыканта, тот, кто вызвал его к себе, приказал ему все забыть. Или нет – ему запретили вспоминать о случившемся, так точнее. Ничего определенного о субъекте он не сообщил.

– Интересно... Что было в бумажнике?

– Старик не смотрел.

– А какие глаза у того человека без лица?

– Как это?

– Ну там: карие, серые, красные?

– Не знаю, не спросил.

– Спроси... Слушай, лейтенант, самый важный вопрос!

Где все происходило?

– Кэп, я долго пытался выяснить это! Бесполезно. Старикашка твердит только одно – огромный дом, в котором очень много кроватей. Отшибло память.

– Я не понимаю, лейтенант. Если ему запретили вспоминать, как же тогда ты его выпотрошил? Врет он, наверное, этот твой учитель музыки.

– О, кэп, здесь особый разговор! Получилось так. С самого начала допроса старик меня предупредил, что он ниче-гошеньки не помнит – кроме того, что ему приказали ни о чём не вспоминать. Поэтому он ничем не может мне помочь. Бился я с ним, бился, а потом меня злость взяла, я ему и говорю: забыть тебе приказали, паскуда, но молчать-то не приказали! Расскажи, не вспоминая! Предложил я ему такое как ни в чем не бывало. И подействовало. Стручок подумал-подумал, в голове его что-то сдвинулось, вот и выложил он... Видели бы вы его рожу, капитан, когда он рассказывал о том, что начисто забыл! Настоящий сеанс спиритизма. В общем, это не описать. Сначала мне было даже страшно, но я

быстро понял, что старикан не в себе, и тогда успокоился. Он ведь, наверное, просто болен... А насчет «врет» – не знаю. Если врет, то актер гениальный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.